

Нильс Кристи

ПО ТУ СТОРОНУ ОДИНОЧЕСТВА

Сообщества
необычных
людей

Нильс Кристи

По ту сторону одиночества.

Сообщества необычных людей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961806

По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей / Кристи

Н., пер. с нем. Э. М. Радской: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-9905980-5-8

Аннотация

В книге описана жизнь деревенской общины в Норвегии, где примерно 70 человек, по обычным меркам называемых «умственно отсталыми», и столько же «нормальных» объединились в семьи и стараются создать осмысленную совместную жизнь. Если пожить в таком сообществе несколько месяцев, как это сделал Нильс Кристи, или даже половину жизни, чувствуешь исцеляющую человечность, отторгнутую нашим вечно занятым, заикленным на коммерции миром. Тот, кто в наше односторонне интеллектуальное время почитает «Идиота» Достоевского, того не может не тронуть прекрасное, полное любви описание князя Мышкина. Что может так своеобразно затрагивать нас в этом человеческом облике? Редкие моральные качества, чистота сердца, находящая отклик в нашем сердце? И можно, наконец, спросить себя, совершенно в духе великого

романа Достоевского, кто из нас является больше человеком, кто из нас здоровее душевно-духовно?

Содержание

Почитай «Идиота»	5
К читателю	8
Предисловие	10
1. Пять деревень – одна семья	14
2. Обитатели деревни	19
2.1 Такие же люди, как и мы	19
2.2 Уязвимость	22
2.3 Быть в ладу с самим собой	24
2.4 Два Лейфа в одной деревне	26
2.5 Сегодня день Карен	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нильс Кристи По ту сторону одиначества. Сообщества необычных людей

Почитай «Идиота»

Тот, кто в наше односторонне интеллектуальное время почитает «Идиота» Достоевского, того не может не тронуть прекрасное, полное любви описание князя Мышкина. Что может так своеобразно затрагивать нас в этом человеческом облике? Редкие моральные качества, чистота сердца, находящая отклик в нашем сердце?

Душевно-духовный облик людей, чье интеллектуальное развитие кажется нам недостаточным, гораздо более открыт, нежели тех, кто считается сегодня «нормальными». Мы, «нормальные», легко позволяем условностям, внутренней несвободе, зависти, страху, скупости и прочему закрыть наше подлинное существо, и чистый голос сердца не может прозвучать. Коллективная жизнь, воспитание детей (и взрослых), чье развитие затруднено, требует от нас совершенно особой подготовки.

Австрийский духоисследователь Рудольф Штайнер (1861–1925) также прошел через опыт коллективной жизни и воспитания интеллектуально отсталого ребенка. Его понимание развития человека и общества лежит в основе той формы жизни, о которой идет речь в этой книге.

Книга написана известным далеко за пределами собственной страны социологом и криминологом, профессором Нильсом Кристи, автором многих книг. В ней очерчена жизнь деревенской общины в Норвегии, где примерно 70 человек, по обычным меркам называемых «умственно отсталыми», и столько же «нормальных» объединились в семьи и стараются создать осмысленную совместную жизнь. Если пожить в таком сообществе несколько месяцев, как это сделал Нильс Кристи, или даже половину жизни, чувствуешь исцеляющую человечность, отторгнутую нашим вечно занятым, заикленным на коммерции миром.

И можно, наконец, спросить себя, совершенно в духе великого романа Достоевского, кто из нас является больше человеком, кто из нас здоровее душевно-духовно?

Редкостно здоровой может показаться нам жизнь такой деревенской общины, в которую сплетены эти люди! Возможно, нам вспомнятся образы из средневекового Новгорода. И в этих новых «деревнях» явственно слышен мотив коллективного исцеления.

Возникает вопрос не являются ли эти люди, если вникнуть в их запросы и понаблюдать возникающие вокруг них

культурно-духовные, социальные и экономические общинные мотивы, первооткрывателями новых социальных форм сообщества, близких тем, которые, как упомянутый выше, ныне, к сожалению, недостаточно известный исследователь духовного мира Рудольф Штайнер описывает как «трехчленный социальный организм»?

Маргин Энгель

Март 1993.

К читателю

С женщиной, написавшей эти согретые сердечностью мысли, специально для нашего издания, читатель еще не раз встретится в книге. Врач-психиатр, она выбрала свой путь более сорока лет тому назад, и большая часть ее жизни связана с лечебно-педагогическим движением, с кэмпхилл-поселениями, с социально-терапевтическими сообществами. Недавно при ее поддержке возникла подобная деревня в Эстонии, а сейчас она прилагает много усилий, помогая появлению ее в России. В нашей стране антропософское понимание развития человека, т. е. те идеи, те идеалы, которые объединяют людей в социально-терапевтические сообщества и придают им силы строить коллективную жизнь, мало известны не только широким кругам, но и специалистам; труды Рудольфа Штайнера и Карла Кёнига, заложившие основу этого движения, еще не изданы в России. Лишь описательно, извне касается духовно-научных основ и автор книги, которую вы держите в руках, профессор социологии и криминологии из Осло Нильс Кристи.

И все же эта книга, изданная первоначально в 1989 г. на английском языке, а в 1992 также и на немецком, может быть для нас особенно интересна. Для духовной атмосферы России характерно томление по социально-здоровым формам коллективной жизни. В нашей истории есть прекрасные то-

му примеры. Община как потребность души жива и сегодня. С другой же стороны – нарастающая в наши дни антисоциальность, и нередкая беспомощность перед ней материалистического воспитания, материалистической науки. И вот на наших глазах идеалы и практику социально-терапевтического сообщества исследует человек, выросший в русле традиционной науки, занимающий в ней высокое положение, представляющий эту науку. В каком-то смысле именно так могли бы увидеть эти деревни многие из нас. Возможно, это по-научному дотошное исследование норвежского профессора Нильса Кристи поможет читателям, столкнувшимся в жизни со схожими проблемами, увидеть путь их разрешения, а у кого-то вызовет желание пристальнее всмотреться в глуболежащие импульсы этого движения.

Предисловие

Эта книга об экспериментальных поселениях для не вполне обычных людей. Экспериментальны они потому, что экономически и социально они образуют общину, в них находится место почти для любого человека, сколь бы непривычным ни было его поведение; экспериментальны, поскольку вновь обращаются к старым формам жизни и культуры. Их в высшей степени разные обитатели – многие из которых по официальным меркам считаются «душевнобольными» – делают друг с другом все тяготы повседневной жизни: жилье, еду, работу, культурную жизнь. Нет индивидуальной оплаты, нет разделения на обслуживающий персонал и пациентов. Это, таким образом, не учреждения, но это и не обычная жизнь.

В течение двадцати лет я чувствую себя связанным с этими деревенскими общинами. Я непрерывно курсировал между ними и жизнью в «нормальном» обществе, и всякий раз перемена была культурным и эмоциональным шоком. Это две совершенно различных жизненных основы. Но благодаря различиям они как раз проливают свет друг на друга. В предлагаемой книге я пытаюсь показать видимое, как с той, так и с другой стороны. При этом предо мной стояли три цели.

Во-первых, я хотел бы описать деревни так, чтобы стало

понятно, сколь необычны эти поселения. В Европе их сейчас около шестидесяти, есть они и на других континентах. Поэтому важно изучить их более систематически. Современные индустриальные общества как на Востоке, так и на Западе всей своей производительностью способствовали искоренению альтернативных общественных форм. Уменьшается численность старых форм, сокращается богатство видов. Но в рамках этого процесса вдруг возникают новые образования, представляющие собой радикальные альтернативы. Возникают новые виды. Они позволяют по-новому понять социальную жизнь.

Во-вторых, экспериментальные деревенские сообщества появились среди нас в известной мере в результате недовольства стандартными решениями нашего общества. И возможно, что как раз эти совершенно иные формы коллективной жизни неожиданно хорошо подойдут для решения проблем современного индустриального общества.

Наконец, третий вопрос, могут ли считаться эти деревни образцом и могут ли воплощенные в них идеи помочь в современном кризисе социальной работы. Всюду закрываются специальные институты. При этом говорится, что люди, не соответствующие норме, будут включаться в нормальное общество. Но возникает вопрос, какая жизнь ожидает этих людей в повседневности нашего общества. С материальной точки зрения их жизнь будет приемлемой, по крайней мере, в государствах всеобщего благоденствия. Но будет ли эта

жизнь хороша с точки зрения социальных связей и культурной деятельности? Будут ли эти люди вовлечены в общественные связи, которые благодаря особым свойствам и качествам этих людей позволили бы им положительно влиять на общество, улучшать его для остальных членов? Это тема последней главы книги.

Книга возникла большей частью благодаря коллективным усилиям. Почти все, о чем в ней идет речь, я обсуждал с жителями деревни. Зачастую они помогали мне более глубоко понять то или иное. Правда, кто-то из них может не согласиться в чем-то с моей интерпретацией. Поэтому ответственность лежит на мне. Но в большинстве случаев я выступаю лишь как рупор людей, живущих в деревнях.

Я благодарен также друзьям и коллегам, подвергшим конструктивной критике как некоторые из высказанных здесь мыслей, так и отдельные места рукописи. Особенно готовы были помочь Флемминг Бальвиг, Вигдис Кристи, Стэн Коэн, Лив Финстад, Сисиль Хойгард, Иван Илич, Том Локни, Маэви Мак-Магон, Аник Приой и Ане Сэтердал. Два человека оказали совершенно особое влияние на основные мысли этой книги: Маргит Энгель, сообщившая много важного об основных принципах и инициативах, определяющих коллективную жизнь в деревенских сообществах, и Гедда Гиртсен, советом и делом помогавшая отразить важные стороны жизни общины.

Особую помощь при упорядочивании рукописи оказала

Асти Хорген; она также в известной мере поправила мои погрешности в английском. При завершении книги подобное же проделал Рональд Вальфорд. Последнее же, а также и первое место в этом перечне принадлежит тем необычным людям, которые живут в деревнях. Они были моими главными учителями.

Нильс Кристи

Осло, июнь 1989 г.

1. Пять деревень – одна семья

Януш Корчак, польский еврей, врач и автор многих детских книг, возглавлял еврейский приют для сирот в Варшаве. Когда детей забирали для отправки в лагерь смерти, он отказался покинуть их и последовал за ними на смерть. Здесь, в норвежской деревне Видаросен, названной по имени бога Видара, героя скандинавского, северогерманского эпоса, один из домов, расположенный на небольшом холме, назван в честь Януша Корчака.

Из окон этого дома можно видеть почти всю деревню. В ее центральной части – амбар и оранжерея, вокруг расположились мастерские. За околицей деревни видны жилые дома, все они построены из дерева, обычного строительного материала в Норвегии.

Таких сельских сообществ у нас в Норвегии пять. Видаросен, так сказать, «мать всех деревень», ей двадцать лет и она расположена в южной части страны в получасе езды от Тёнсберга, ныне провинциального, а во времена викингов – столица. В Видаросене живут 150 человек, 12 коров и телят, лошадь, 30 кур, 20 овец и неизвестно сколько кошек. Зимними ночами сюда часто заходят в гости лоси, косули, зайцы и лисы. Есть в Видаросене и пекарня, которая даже продает свою продукцию, мастерская плотника, гончарное производство, мастерская по изготовлению кукол, столярная

мастерская. На крестьянском подворье и в двух оранжереях хозяйство ведется по биодинамическому методу. Раньше здесь была также мастерская по производству свечей. Позже я объясню, как сказывается этот объем работы прежде всего, в социальном отношении. Самое внушительное здание в Видаросене это «зал», большое помещение на 300 мест для всевозможных общих мероприятий, таких как доклады, театральные спектакли, деревенские собрания и концерты. В нем охотно играют музыканты, и не только потому, что там хорошая акустика, но и потому, что публика хорошо принимает. Еще в деревне есть часовня и лавка с кафетерием.

Окрестности Видаросена противоречат традиционным представлениям о том, что такое Норвегия. Здесь нет потрясающего вида, нет озер, всего лишь небольшой холм и ручей. И чувствуешь своего рода облегчение, когда попадаешь в другую деревню, расположенную севернее в двух часах езды на автомобиле. Она расположилась на склоне, с которого открывается чудесный вид на окружающие селения и леса, а далеко на западе видны горы. Выше по склону простирается за деревней густой лес. Здесь можно целыми днями бродить, не встретив человеческого жилья. Это родина троллей и эльфов – образов давно прошедших времен, созданных силой воображения. Асбьёрнсен и Му, эти норвежские братья Гримм, бродили по этим лесам, слушали рассказы местных жителей и записывали то, что находили достойным опубликования. Расположенная здесь деревня называ-

ется Сульборг/Альм. В ней живут 50 человек и обычное число животных. В хозяйстве особую роль играют овцеводство и мастерская по обработке металла. Есть в деревне также ткацкая и столярные мастерские, школа и детский сад для окрестных детей.

Деревня Хогтанвик расположена на западном побережье Норвегии. Там, где кончается деревенский сад, начинается фьорд. Когда светит солнце, местность выглядит даже слишком красиво, словно на туристическом проспекте. Но гораздо чаще идет дождь. Насыщенные влагой воздушные массы из Англии наталкиваются на горы непосредственно за Хогтанвиком и выпадают в виде обильного дождя на 45 людей, коров и телят, которые там живут. Раньше Хогтанвик был самым крупным крестьянским хозяйством в округе. Потом оно стало кэмпхилл-поселением, правда в настоящую деревню так и не выросло, там построили всего один новый дом. Западное побережье Норвегии, это, собственно, родина людей строгой веры, глубоко убежденных в том, что их вера в бога единственно правильная. Поэтому они не готовы так просто признать совершенно необычную деревню в своей среде. Это приводит к проблемам, выражающимся конкретно в том, что возможности расширения у этой деревни ограничены.

Еще дальше на север ситуация совсем иная. Деревня Йососен расположена непосредственно в горах, на высоте 300 метров над уровнем моря. Это совсем немало, если продви-

нуться так далеко на север. Там уже не могут расти фрукты, а из овощей выживают лишь самые выносливые. Здесь живут 40 человек, которые занимаются земледелием и работают в мастерских. В округе эту деревню принимают очень сердечно. Тамошние общины борются с обезлюдением района, и эта деревня означает для них новую жизненную силу. В Норвегии отзывчивость увеличивается с продвижением на север – в отличие, например, от Италии.

Валлерсунн – последнее дитя в этой семье. Он расположен на полуострове далеко в Северном море и был когда-то пристанищем для рыболовецких судов, отправлявшихся каждую зиму на север за треской. Это была также база для жизненно важной торговли с русскими: рыбу из Норвегии меняли на зерно из России. Самое значительное здание в деревне относится к началу XVIII века, после него возникли маленький склад и элеватор для зерна, где хранились запасы на черный день, когда не было рыбы, или же на случай войны и блокады. В деревне построено и несколько новых домов. Высоко вверху вертятся лопасти ветряной мельницы, это самая высокая мельница в Норвегии. Она производит так много электрического тока, что его можно продавать муниципальным электростанциям.

Сегодня в Валлерсунне живут 30 человек. Мастерские еще не очень развиты; большую часть сил до сих пор поглощало строительство. Важным полем деятельности, наряду с сельским хозяйством, является рыбная ловля. Недавно, при-

ступили к разведению устриц.

Вскоре мы узнаем больше о названных здесь селениях. Познакомимся поближе с теми, кто в них живет.

2. Обитатели деревни

2.1 Такие же люди, как и мы

Трапеза – это не просто прием пищи. Коллективная трапеза – это выражение общности. Если несколько человек живут под одной крышей, трапеза становится ареной общественной жизни. Здесь обмениваются новостями и – ласковым прикосновением или строгим словом – выражают чувства. Трапеза – это удобный случай показаться другим людям именно таким, каким, как ты надеешься, они тебя воспринимает.

Это стремление к самовыражению еще больше усиливается тем, что за столом часто сидят и гости. У них нет какого-то установившегося мнения о присутствующих, и местные жители могут представить себя такими, какими они хотели бы, чтобы их видели.

Как-то в одной из деревень у меня наметились проблемы с обитателем одного дома. У того был очень громкий голос, и он постоянно им пользовался. У него была, так сказать, монополия на громовой звук; о конкуренции не могло быть и речи. Присутствие гостей еще больше укрепляло его мнение о себе. Гости в большинстве случаев охотно его слушали, одобрительно кивали и побуждали рассказывать дальше все

новые и новые истории. Право же, за такое подбадривание хотелось едва ли не удушить гостей. Ведь многие из них тоже могли бы что-то внести в беседу, рассказать что-то новое, не выпячивая так себя. Да и истории эти были им знакомы до мельчайших подробностей, потому что тот их все время повторял. У всего только четыре истории, и они занимали как раз все время трапезы, если только поток речи не обрывался внезапно на второй или третьей.

Но когда стало понятно, что же стоит за всеми этими историями, их стало легче переносить. Рассказчик – коренастый мужчина, производящий впечатление уверенного в себе человека. Весь его облик утверждает: он сильный и старательный, он хорошо работает, третье поколение в этом ремесле, столп деревенской жизни, человек, достойный доверия. И все это правда. Этот неутомимый рассказчик – одна из ключевых фигур в деревне. Но у него есть одна проблема. Он не умеет читать. Он не умеет писать. Он не может участвовать в обычной беседе. Как только он пытается это делать, тут же терпит поражение. Но ему-то как раз хочется – и этим он резко отличается от большинства в деревне – быть как все, для него очень важно быть таким же, как его брат, или его сестра, которая очень не хочет, чтобы этот рассказчик приходил в гости, потому что ей это неприятно. И этот человек с исключительным голосом слишком хорошо это знает; он знает, что он неудачник; и знает, что думает о нем его сестра. Главное – быть нормальным.

И вот приходят гости. Рассказывая свои истории, он представляется себе таким же, как все.

Его непрерывный поток слов – просто попытка замаскироваться. Странно? Или же типично для таких людей? Последуйте за мной в Иерусалим, и я дам вам на это ответ.

2.2 Уязвимость

Жаркий день в Иерусалиме. Воздух накален так, что рябит в глазах. Я тороплюсь, мне нужно встретиться в университете с другом. Сесть в нужный автобус, чтобы не опоздать. Университет в Иерусалиме стоит на горе Скопус. Но как это слово выглядит на иврите? Я осмеливаюсь спросить постороннюю даму. Это, собственно, победа. Но тут же следует поражение. Я неправильно ее понял, и слышу, как она кричит мне вслед, когда закрываются двери автобуса. Мне нужно пересаживаться на другой номер, от стыда у меня выступает испарина. Наконец-то передо мной университет. Но тут меня ждет новое тяжелое испытание: длинный ряд служебных дверей. Все надписи только на иврите. Нужна превосходная память, когда путешествуешь, не зная языка. Какая же из дверей ведет в кабинет моего друга? Не эта ли, пятая дверь на левой стороне, напротив огнетушителя? Не уверен. Знаю только, что рядом с кабинетом друга кабинет человека, с которым мне сегодня не хотелось бы встречаться. Ивритские буквы такие большие и красивые. Надо действовать. Итак, попытаемся с этой пятой дверью. Ах, передо мной именно тот, кого я так не хотел сегодня видеть. Следующая дверь. Опять неудача – друга уже нет. Ищу утешения в кафетерии. Как всегда, ничего не понимаю ни в меню блюд, ни в меню напитков; заказываю неизвестно что, расплачиваюсь круп-

ной купюрой, чтобы избежать непонятного потока слов, который, вероятно, означает, что я должен заплатить больше. Старый трюк туристов и всех, кто в чем-либо неполноценен. Когда нет слов, нужно быть хитрым. И все же кассир недоволен. В город я иду пешком, чтобы не спрашивать еще раз об автобусе. Думаю, не завернуть ли к Стене Плача, но путь по жаре слишком долог. Вместо этого посылаю свои жалобы в голубизну неба, потому что я заблудился в мире, в котором не могу ни читать, ни писать, ни даже говорить с большинством людей вокруг. Наконец-то я перед своей собственной дверью. Короткий разговор с плотником, он как раз работает во дворе – разговор, конечно, на языке жестов. Приятный человек, думаю я. Наконец-то я в безопасности. Смотрю на себя в зеркало. Хорошо встретить того, кто тебя знает. Кто знает, что ты вполне нормальный человек.

2.3 Быть в ладу с самим собой

Подобная маскировочная тактика обычно подтачивает силы, и не только у тех, кто к ней прибегает, но и у окружающих. Уверенные в себе люди – это те, у кого видимость и реальность в основном совпадают. Так приятно было однажды услышать в деревне телефонный разговор. Молодой человек хотел узнать, когда отходит автобус. Ответ на другом конце был для него слишком сложен, и поэтому он воскликнул: «О, еще раз, но помедленнее. Я ведь умственно отсталый!»

Другим примером может быть Анна. Мы поспорили, и в волнении у меня вырвалось: «Ты что, глупая?» На что Анна отпарировала: «Поэтому-то я здесь» Или Хельге. Когда он идет по деревне, у него под мышкой портфель. Там у него блокнот, в котором он часто делает записи. По значительным случаям Хельге имеет обыкновение почти всегда произносить речи. То, что он говорит, кратко, точно, полно тепла и часто остроумно. Когда он говорит, этому всегда рады и бурно аплодируют – аплодисменты из чувства благодарности и от радости.

Есть только одна-единственная проблема с его речами: они почти всегда совершенно без слов. В непосредственном разговоре с Хельге можно в том, что он говорит, расслышать отдельные слова, но в его речах по поводу каких-либо праздников это не получается. У них чудесный ритм и

превосходная форма; их тон решителен и все же мелодичен. То, что Хельге пишет, также имеет ясную форму, но лишено букв или слов. Высказывания идут прямо из его сердца и так же непосредственно находят путь к сердцам других. Деревенские жители охотно слушают его и понимают главное в его речах. То, что говорит Хельге, выражается с помощью небольшого количества слов и очень содержательно. В жизни же часто бывает наоборот.

2.4 Два Лейфа в одной деревне

Они живут в одном доме и занимают одну комнату. Было бы проще, если бы они жили в одном и том же теле.

Один Лейф – назовем его Лейф I – сильный, неунывающий, деятельный человек. Можно было бы назвать его реформатором мира, если бы многое из того, что он делает, не кончалось бы плохо. Лейф I бегают, говорит и действует точно также, как те энергичные деловые люди, которые владеют современным миром. Он постоянно говорит, занят всевозможными проблемами в деревне, выступает на каждом деревенском собрании и инициативен в реформах.

Лейф II, напротив, робок, и у него тихий голос. Его обязанность – звонить в деревенский колокол. В этом он абсолютно надежен. Колокол звонит тогда, когда этого ожидают, и точно так, как этого ожидают. Он хорошо звучит. Когда не звучит колокол Лейфа, в воздухе Видаросена совсем иная музыка. Свою работу в оранжерее он выполняет тихо, не торопясь, но более чем удовлетворительно. Он охотно беседует, но никогда не берет слова во время деревенских собраний.

Недавно Лейф I стукнул Лейфа II бутылкой в лицо и убежал. Через некоторое время пришел я и нашел Лейфа II лежащим на диване. Травма была серьезная, во всяком случае, мне так казалось, так как до сих пор я не замечал, чтобы

взгляд его глаз был раскоординирован. Но через несколько минут он снова был на ногах, чему все были искренне рады.

Столкновение произошло в кафетерии. Дважды в неделю он становится ареной общественной жизни, но драк, насколько мне известно, там еще никогда не было. Применение физической силы в Видаросене столь же редко, как и в остальной Норвегии. Когда происходит нечто подобное, это вызывает большой шок. В данном случае жители деревни совершенно растерялись. Происшедшее означало, что такой человек, как Лейф I, больше не может оставаться в деревне. По крайней мере, надо было запретить ему приходить в кафетерий и подвергнуть его строгому наказанию. Тор пообещал предпринять на следующий день необходимые меры. Я вмешался и предположил, что преступник, может быть, сам уже наказал себя таким деянием. Тор согласился со мной, но потом вышел к людям и снова стал грозить Лейфу наказанием.

Почему же произошло несчастье?

Может быть, мы когда-нибудь найдем ответ. При поверхностном рассмотрении дело выглядит довольно просто: «родителей» – то есть тех, кто выполняет обязанности хозяина и хозяйки дома – не было. Всегда, когда их нет, Лейф I теряет самообладание. Это чуть ли не закон природы: в первый раз он отрезал электропроводку к дому, во второй – отсоединил телефонные провода, после этого – газопровод, а теперь вот нападение с бутылкой.

Ранним утром следующего дня я встретился с Лейфом I. Тор, который накануне вечером клялся его наказать, шепотом пообещал не вмешиваться. Может быть, он почувствовал, что нельзя наказать Лейфа больше, чем он сделал это сам. Долго он бормотал про себя: «Я не должен был это делать, я не должен был делать этого». Боюсь, что он даже не слышал утреннего колокола, который звучал столь же чисто и полно, как и всегда.

2.5 Сегодня день Карен

Карен похожа на плотно смотанный клубок. По дороге в поле и обратно я часто прохожу мимо нее. Согнувшись дугой, сидит она на ступенях крестьянского дома и покусывает правую руку. Лицо ее искажено, как и ее тело – гротескной гримасой. Это почти всегда производит печальное впечатление. В редкие мгновения появляется робкое: «привет!» или улыбка.

Карен живет в ближайшем к нам доме. Так как «родителей» в конце недели нет дома, Карен находится у нас.

Тот вечер закончился большим шумом. Мы все собрались в комнате и обсуждали различные возможности перестройки помещения. В дискуссиях всегда есть что-то зажигательное, порох для конфликтов. Карен исчезла из поля зрения.

Утром ничего не изменилось. На втором этаже шли обычные домашние работы. На третьем работал над рукописью мой гость, он ритмично барабанил на пишущей машинке. Царили мир и усердие, пока сильный шум не потряс дом. Карен пришла в неистовство. Она бегала от двери к двери и сильно шумела. Руки Карен, да и все ее тело, были судорожно сжаты. Я крепко держал ее, не зная, хочет она этого или нет. Медленно разжимались ее руки. Мы, точнее я, говорил о незначительных вещах, о маленьких птицах, готовящихся на сосне к зиме, о людях в доме, о планах на этот день.

И тут, наконец, у Карен вырвался вопрос, нацеленный, прежде всего, на причину: «Кто это там, наверху, такой злой, кто так топочет по полу?» Ее руки снова сжались: «Кто там стучит по моей голове?» Да, кто? Вняв страхам Карен, я открыл их причину. Я вдруг услышал пишущую машинку моего гостя, словно далекие раскаты грома в нашем деревянном доме. Для меня это был символ творчества, для Карен же, напротив, сигнал крайней опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.